

Пели ли «Землянку» генералиссимус?

ЭКСКЛЮЗИВ ДЛЯ «СЕВЕРНОГО КРАЯ»

Чтобы оказаться «на войне», в тот день достаточно было, не выходя из зала, где все собрались, повнимательней посмотреть в проём двери, открытой в соседнюю комнату. Стояла там железная печка с закопчённым чайником «на огне», словно только что из фронтовой землянки. Поодаль на столе видели мы походную кружку, пачку «Беломора», карандаши и открытую тетрадку, а ещё патефон с пластинками и баян на стуле. Угощение же всё умещалось на чайном блюде – суточный тыловой паёк: четыреста граммов драгоценной «черняшки».

Таким музейным этюдом на тему знаменитой песни на стихи нашего земляка Алексея Суркова «Землянка» встречает музей-заповедник «Карабиха» совсем уже недалёкий день памяти и скорби. Экспозиция стала прологом к новому проекту «Но Русь цела, но Русь тверда...». Тему «Ярославские писатели в годы войны» продолжит в нём другая, малоисследованная тема – тыловой Карабихи. Она приютит ленинградских художников и архитекторов, став базой Академии художеств, в просторечии «ЯрБАХ».

Пожалуй, самым пристрастным зрителем музейной «землянки» стала гостья некрассовской «Карабихи», дочь Алексея Суркова – музыковед из Москвы Наталья Суркова (на снимке). С ней встретился наш корреспондент.

– В Карабихе вы раньше бывали?

– Отец многие годы, как вы знаете, вёл здесь праздники поэзии. Часто брал с собой внука, моего сына Илюшу. О Карабихе знаю по их рассказам, по фотографиям в семейном альбоме. А сама здесь, представьте себе, не бывала никогда. Теперь, как видите, «историческая справедливость» восторжествовала.

– Вас представили членом Союза композиторов. Вы что, музыку пишете?

– Нет, я её исследую. Закончила Гнесинский институт как музыковед. Вообще-то я журналист, начинала в 60-е годы на радиостанции «Юность». Пишу статьи об истории музыки и о её дне сегодняшнем. А сейчас ещё и разбираю отцовский архив. Конца-краю не видать этим моим почти ежедневным бдениям.

– О первых впечатлениях от проекта «Но Русь цела, но Русь тверда...» что-то скажете?

– Выставка «Землянка» слезу выбивает. За один вечер – и столько впечатлений. Почти ничего не знала о «ЯрБАХе». Оказывается, здесь в эвакуации жили и довольно известный книжный иллюстратор Александра

фото Елены ПОГОЗИНОЙ

Яacobсон, и маститые – скульптор Матвей Манизер с женой, архитектор-академик Александр Никольский – по его проектам много строили в Ленинграде, например стадион имени Кирова. Порадовалась за ваших боевых ветеранов, слушая в авторском исполнении стихи фронтовика Ивана Смирнова, а Александр Коноплин подарил музею сразу четыре новые книги – вот это, я понимаю, верность своей молодости.

– Вы ведь, кажется, тоже не с пустыми руками приехали?

– Пополнила коллекцию, собранную добрым другом нашей семьи, научным сотрудником «Карабихи» Ириной Соколовой, диском с записью лучших песен на стихи отца – «Конармейская», «Песня смелых», «Песня защитников Москвы». Есть и новые, одна из них – «Когда устану или затоскую» на музыку Юрия Бирюкова. До Москвы он жил в Рыбинске, читатели «Комсомолец» наверняка помнят его как ведущего рубрики «Встреча с песней».

– О каких стихах вашего отца кроме «Землянки» мож-

но сказать сегодня, что они живут в народе?

– Живут песенные тексты: с довоенных лет незабываемая «Конармейская» о коннице Будённого, песни, написанные в самые трудные первые месяцы войны.

– «Песня смелых» появилась в газетах прямо в день начала Великой Отечественной. Как удалось Суркову так сразу поймать тему на кончик пера?

– Ему не требовалось в связи с этим никому и ничего объяснять. Он ведь прошёл три войны: кроме самой большой ещё и гражданскую, и финскую. Сам человек не робкого десятка, он был на фронтах и корреспондентом, и конным разведчиком на мушке у снайпера, и пулемётчиком на передовой. В сорок первом Европа пропахла казармой, там вовсю бушевала война, и отцу, чтобы сказать «смелого пуля боится, смелого штык не берёт», ничего не надо было брать с потолка. Да и вообще, по моему убеждению, любой талант в искусстве – всегда документ времени.

– Даже критики и оппоненты Суркова, например мэтр нашего литобъединения в МГУ, поэт-фронтовик Николай Старшинов, признавали это. Вспоминал: когда он услышал, как пели, уходя с Красной площади прямо на фронт, участники парада 7 ноября 1941 года «Песню защитников Москвы», у него мурашки пошли по коже.

– «Мы не дрогнем в бою за столицу свою...» Старые солдаты её и сейчас не забыли. А «Землянку» Константина Листо-

ва поют и барды, и в семьях на праздничных застольях. В войну она ведь сразу же оказалась под цензурным запретом, за пессимизм: «А до смерти четыре шага». Солдаты на фронте её всё равно пели.

– Думаю, что ценители поэзии ещё прочтут и перечтут окопные стихи Суркова. Их почти совсем не знают. Поэт их не печатал после войны лет пятнадцать. Если помните, там было про крысу, что пригласил в блиндаже...

– ...И про галок, которым в дождь за рекой «так же сыро и так же поганю». Ничего не поделишь – талант правду любит.

– А как забыть, что Сурков, будучи главным редактором журнала «Огонёк», первым напечатал стихи Ахматовой, причём в самое суровое время, после того как её и Зощенко со всех трибун предали анафеме. Отец про это что-то рассказывал?

– Конечно. Я вам больше скажу. Это он в должности одного из руководителей Союза писателей Анну Андреевну прописал в Москве. А про четыре стиха, отобранных для «Огонька», редактор объяснял в кабинете Сталина. Иосиф Виссарионович был, как всегда, краток. Вы спрашиваете, спросил он, что этого поэта надо печатать? Причём сказал – не «поэтессу», а взял рангом выше, назвал Ахматову поэтом, что отца тогда очень удивило.

– Интересно, что ответил генералиссимусу редактор «Огонька»?

– Он был ярославец и деревенский. И он написал «Песню смелых». Поэтому ответил как в атаке: считая, дескать, что надо печатать. Возможно, такая прямота хозяину кабинета понравилась. «Тогда печатается», – подытожил Иосиф Виссарионович.

– Говорят, он «Землянку» в узком кругу певал?

– Не знаю. Но что её, сужу по Интернету, поют во всём мире – это точно. И очень правильно, что решено под Истрой построить первый в мире музей одной песни. Оказывается, жив тот фронтовик, что ту землянку своими руками копал. Он-то и показал место. Проверили и по другим источникам. Сейчас «на Волоколамском направлении» под экспозицию в честь уроженца Верхней Волги Суркова отведена земля. Правда, больше там пока ничего нет. Придётся мне всерьёз заняться музейным делом. Так что будем с «Карабихой» сотрудничать.

Беседовал
Юлиан НАДЕЖДИН.